

В. НАУМЕНКО

КУБАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1960 г.

№ 2

VYACESLAV NAUMENKO

P. O. Box 126

ORANGEBURG, N. Y.,

U. S. A.

Мой дорогой Николай

21/II-60

В. Науменко.

Петя

КУБАНСКИЙ
исторический и литературный
СБОРНИК.

№ 2 - январь-февраль 1960 г.

Оранжбург. США.

Цена, с пересылкою,
1 американский дол.

О г л а в л е н и е

Василий Григорьевич Толстов генерал-майор.-В.Н.....	Стр.3
Старая песня Линейных казаков.-В.Толстов.....	" 4
Историческая память Хоперского полка Кубанского казацкого Войска.1696-1917 г.г.-В.Толстов.....	" 5
Дополнение к Исторической памяти Хоперского полка Кубанского казацкого Войска-1914-1922 г.г. -Генерал-майр Вочаров.....	" 13
Василий Федорович Рябоконь.- В.Науменко.....	" 16
Рассказы .--А.А.Гейман	
В чем сила женщины.....	" 26
В карауле.....	" 31

От редакции Сборника .

1-Просьба ко всем,кто получил № 1-й Кубанского Сборника, исправить на странице 8-й, в списке куриней, в котором, под №№ 7 и 30 значится куринь Динской.Надо под № 30 не Динской, а Минской.

2-В настоящем номере не печатается, как то было ранее намечено Географический очерк Кубанского края, так как получены некоторые новые, современные, данные о нем, которые для нас-Кубанцев представляют некоторый интерес. После изучения их, Географический очерк будет напечатан в одном из последующих номеров Сборника.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ТОЛСТОВ

Генерал-майор
1857-1935 г.г.

Наш Кубанский историк В. Г. Толстов казак станицы Темжберской, родился в декабре 1857 года. Он воспитывался в Кубанской Войсковой гимназии и, затем, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище.

Свою офицерскую службу начал в I-м Хоперском полку, а затем, был переведен в I-й Кубанский полк. Свою строевую службу закончил в чине полковника и в должности Командира 2 Кубанского полка.

В 1913 г. он вышел в отставку, а в следующем году опять призван на службу и назначен Атаманом Кавказского отдела, наковым оставался до 1917 года.

В 1920 г. он эвакуировался, вместе с Кубанскими частями на остров Лемнос, был там зачислен в беженский батальон и, вместе с другими Кубанцами, прибыл летом 1920 г. в Сербию/Югославию/ где и оставался до конца своей жизни.

С молодых лет он интересовался историей родного Войска. В 1896 г., по дню 200-т летия Хоперского полка им был составлен "Краткий исторический очерк" его, а в дальнейшем и подробная история этого полка. Далее, в течение 10-ти лет В. Г. Толстов собирал материал для составления "Памятки Кубанского полка", которая была напечатана в 1914 году.

Уже в эмиграции им составлены "Историческая памятка Хоперского полка Кубанского казачьего Войска" и "Краткая историческая памятка Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка Кубанского казачьего Войска". К счастью, обе эти рукописи удалось сохранить и в настоящем номере Сборника печатается первая из них, а в одном из последующих будет напечатана и другая, более обширная.

Кроме того сохранились слова одной из старых Линейных песен, записанные им по памяти и напечатанные в одном из номеров нашей войсковой информации за 1936 год. Песня эта также печатается в настоящем номере Сборника.

Отличаясь большою скромностью и добротой, В. Г. Толстов с молодых офицерских лет привлекал к себе сердца казацки и был любим однополчанами-офицерами, а далее, умудренный житейским опытом он никогда не отказывал казаку в добром совете. К подчиненным относился просто, сердечно, чисто по отечески, всегда заботился о них, что последние очень ценили, всячески старались его отблагодарить и, с сожалением, расставались с ним, как со своим начальником.

Василий Григорьевич был очень религиозен, трудоспособен, трудолюбив и общителен, всегда отзывчивый к нуждам других. Уже в беженстве, будучи сам весьма слабо материально обеспеченным, он всегда замечал и находил нуждающихся, старался помочь им и духовно и материально.

Попав в Югославию, благодаря настойчивым ходатайствам, он устроился на постоянное жительство в монастыре Петковица /тогда русском/. Там он исполнял обязанности псаломщика, заведывал огородом и заготовкою продуктов на зиму. Переписывал

церковные книги, исправлял хозяйственный инвентарь и, кроме того, находил время, вести переписку, отвечать по части истории Войска, составлять краткие истории полков и т.д.

В ноябре 1934 г. русский монастырь в Петковице был за фронт и он перешел в монастырь Хопово, где прожил больше года и, как в Петковице, он был всем нужен, всеми любим и уважаем.

Умер он 12/25 ноября 1935 года и погребен на монастырском кладбище. В.Н.

СТАРАЯ ПЕСНЯ ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ.

I-То не беркуты степные
Встрепенулись на восход,
То Линейцы удалые
Собираются в поход.

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой.
По горам твоим Кавказ
Разнеслась слава о нас.

2-Что не буря зашумела,
Во сиром бою зима,
Весна ранняя надоспела.

Сбор в поход трубит труба,
Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

3-Как по Линии Кавказской
Не сизый орел летал,-
То Походный Атаман
Сам по Войску проезжал.

Пусть гремит слава трубой
Как дрались мы за Лабой и т.д.

4-В крепостях и по станицам
Речь хорошую держал
И в приказах атаманских
Повелел и указал:

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

5-Чтобы конница казачья
Открывала путь вперед,
Чтоб Линейцы удалые
Поднимались в поход.

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

6-Выступать полкам, сотням,
Как по спискам сотни есть,
Ружья с новыми кремнями,
Шашки острее иметь.

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

7-Мы походов не боимся,
Чечню надо замирать
Под начальством Воронцова
Лестно, братцы, умирать.

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

8-А как снажет два-три слова
Вынем шашки из ножен
И, с надеждою на Бога,
Полетим на смертный бой.

Пусть гремит слава трубой
Как дрались мы за Лабой и т.д.

9-И нам нечего бояться,
Нипочем нам жаркий бой;
Мы привыкли все сражаться
С кровожадною ордой.

Пусть гремит слава трубой
Как дрались мы за Лабой и т.д.

10-В недоступных буераках,
За Аргуном, за рекой,
Там для нашего отпора,
Под высокою горой

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

11-Возводил Шамиль завалы,
Строил башни до небес,
Но мы башни эти взяли,
А чечню загнали в лес.

Пусть гремит слава трубой,
Как дрались мы за Лабой и т.д.

По памяти записал В. Т о л с т о в .

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

ХОПЕРСКОГО ПОЛКА КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

1696 - 1917 г.г.

Составил отставной генерал-майор В.Т о л с т о в.

П р е д и с л о в и е .

В 1896 году, ко дню 200-т летнего юбилея Хоперского полка, мною был составлен "Краткий исторический очерк" этого полка, а спустя 5 лет - в 1901 году мною была закончена составлением и издана Военно-Историческим отделом Кавказского Военного округа "История Хоперского полка".

Эта последняя, как составленная по многочисленным историческим данным, собранным мною в столичных и местных Кавказских архивах, была, в свое время, одобрена Военно-Учен. Комитетом Главного Штаба, как "Полковая история".

Настоящая "Историческая памятка", за отсутствием исторических справок и указаний, составлена уже только по данным моей памяти, где еще крепко сохранились главнее исторические факты и, отчасти, хронология; мелкие же события и проч. подробности я пропустил, так как уже не могу ручаться за их верную передачу.

А в т о р .

Первоначальные Хоперские казаки были - небольшая казачья община, образовавшаяся во второй половине XVII века из вольных людей и беглецов из южно-русских областей и Малороссии, которые самостоятельно поселились в основанных ими же трех городках: Пристанском, Беляевском и Григорьевском на реке Хопре, при токе Дона с левой стороны несколько южнее нынешнего города Новохоперска Воронежской губернии.

Край этот - наша южная граница того времени - был глухой и дикой, покрытый дремучими лесами с многочисленными озерами и реками: Ворона, Савала, Елань и др. и изобиловавший зверем, бортяными пчелами и рыбою, что, вероятно, и привлекало туда вольных людей и было причиною поселения в тех местах оседлых жителей, т. е. охота и рыбная ловля вполне обеспечивали их существование.

Эти первые обитатели Прихоперского края установили у себя казацкие порядки и управление и стали называться ХОПЕРСКИМИ КАЗАКАМИ, живя независимо от Донского казачества, но держа с ним тесную связь.

На арене исторической жизни Русского Государства, Хоперские казаки впервые появились в 1696 году, когда юный царь Петр Алексеевич, решив овладеть турецкою крепостью Азовом, а с нею и Азовским морем, объявил туркам войну и двинул войска и молодой русский гребной флот к устью р. Дона.

Тогда Хоперские казаки присоединились к царским войскам

под начальством генерала Гордона и, вместе с донскими казаками, приняли участие в этой войне и во взятии крепости Азова 18 июля 1696 г.

Обстоятельство это, будучи подтверждено указом Правительствующему Сенату в 1724 г., в котором сказано "..... Хоперские казаки были вместе с Донскими под Азовом и на разных баталиях Шведских....." и считается началом службы Хоперских казаков и временем старшинства Хоперского полка.

В 1706 году на Дону вспыхнул Булавинский бунт, поводом к которому послужил приказ царя Петра Донскому Войску о выдаче беглых крестьян и солдат, приютившихся у казаков.

К бунтовавшим казакам, под руководством Атамана Булавина, пристали и молодые Хоперские казаки; старики же и бывшие на войне служилые казаки остались верными царю и стояли за правительство.

В 1707 году бунт был усмирён и Петр приказал Хоперские городки Пристанский, Беляевский и Григорьевский разорить до основания, а жителей выселить в донские городки.

Но не надолго осиротел Хоперский край. В 1717 году, в виду необезпеченности наших южных рубежей от татарских набегов, царь приказал основать на р. Хопре кр. Новохоперскую и в нее призвать на житье и для службы малороссов и охотников.

Старые Хоперские казаки, жившие по чужим углам и служилые казаки, возвратившиеся со Шведской войны, бывшие жители этого края, первые записались в охотники, в числе больше 200 семейств и были поселены, вместе с охотниками из Малороссов в слободах близ Новохоперской крепости: Градской, Алферовке, Пыховке и Красной, при чем, в их пользование были предоставлены окресные земельные и лесные угодья и озера.

Из этих казаков была сформирована, под начальством ротмистра Иноземцева, "казацья команда крепости Новохоперской", в которой она отправляла гарнизонную и сторожевую пограничную службу.

Пополняясь постепенно естественным приростом и новыми охотниками, эта новая община Хоперских казаков достигла к 1770 году, численности более 500 семейств, вследствие чего, по распоряжению светлейшего князя Г. А. Потемкина, из них был сформирован в 1774 году ХОПЕРСКИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК в числе 16 офицеров/старшин/ и 500 казаков. При этом, в состав полкового на-родонаселения было причислено несколько семейств крещеных персиян, убежавших из хивинского плена и проживавших в Саратовской губернии.

В 1777 году, во исполнения утвержденного Императрицею Екатериною II-ю проекта князя Потемкина о заселении Хоперскими и Волгскими казаками Азовско-Моздокской линии, Хоперский полк был переведен со всеми семействами и имуществом на северный Кавказ и поселен на указанной линии в станицах: Донской, Московской, Хоперской /близь кр. Ставрополь/ и Северной.

На этих местах полк прожил до 1825 года, когда, по воле Правительства, он снова был переселен во вновь построенные станицы по правому берегу Кубани: Баталпашинскую, Невинномысскую, Беломечетскую, Барсуковскую и по левому берегу р. Кумы: Векешевскую и Суворовскую, а, спустя 15 лет, Хоперцы основали еще одну станицу - Воробьевскую.

Это был один из самых глухих и опасных участков Кавказской укрепленной линии на границе с некоторыми горскими племенами Кабарды и Закубанья.

В 1833 г., по повелению Императора Николая I-го, 31 селение Ставропольской губернии, прилегавших к Кавказской линии, были обращены в казачество, при чем, часть этих селений образовала новый казачий Ставропольский полк, а остальные усилили полки Хоперский, Кубанский и Кавказский.

Жители этих селений, издавна осевших в тылу казачьих станиц, в полосе, подверженной набегам горцев, жили тревожною пограничною жизнью и давно усвоили себе быт и военные порядки казаков.

К Хоперскому полку отошли селения: Бешпагир, Сергиевское, Круглолесское, Калиновское, Грушевское и Александровское, жители которых - новые казаки, сразу увеличили число служащих Хоперцев так что полк достиг более чем 10-ти сотенного состава.

В 1845 году из казачьих частей, поселенных на Кавказской линии было образовано Кавказское Линейное казачье Войско и Хоперский полк развернулся в бригаду под № 5 из двух пятисотенных полков: 1-й Хоперский из жителей Ставропольской губернии, селений, присоединенных в 1833 году и 2-й Хоперский из старых казаков.

В 1860 году Хоперская бригада вошла в состав вновь образованного Кубанского казачьего Войска, при чем полки стали носить не названия, а номера: 1-й Хоперский стал считаться полком № 16, а 2-й Хоперский/старый/ 8-ом 17-м

С 1860 года началось наше усиленное поступательное движение в Закубанский край с целью вытеснить черкесов из горных и лесных мест и поселить их на равнинах левых берегов Кубани и Лабы, а северные предгорья западного Кавказа заселить казачьими станицами, взяв для этого поселенцев из Кубанского, Азовского и Донского казачьих Войск и из России.

Для выполнения второй части этого "Положения", проектировано было, между прочим, переселить на передовые в предгорьях места целиком весь Хоперский № 16-й полк; но когда об этом объявили казакам, то те категорически заявили, что на такое переселение они не согласны, что это, дескать, не царское повеление, что такое поголовное переселение неправильно, противно казачьим обычаям, порядкам и пр. х/

Благодаря тому, что Командующий войсками на Кубани генерал Евдокимов взял на себя смелость не выполнить такое распоряжение, вопрос заселения новых мест был разрешен безболезненно: Государь выразил огорчение по случаю невыполнения ген. Евдокимовым приказа Главнокомандующего, но утвердил переселение по приговорам станичных обществ, или по жребию, если не окажется желающих.

В 1870 г. в Кубанском каз. Войске бригады были упразднены а все Войско, в военном отношении, было разделено на 10 полковых округов, при чем население каждого полкового округа, в мир-

-----
Примечание х/ - действительно, это не было царское повеление, а распоряжение Главнокомандующего войсками на Кавказе генерала кн. Барятинского.

Ред.

ное время обязано выставлять на службу один 6-ти сотенный полк конный, 1/5 пехотинского пешего батальона и около 100-200 казаков в гвардию и в артиллерию; в военное же время, наряд этот увеличивается вдвое.

При этом преобразовании, полки Ставропольской бригады были окончательно упразднены, а население станиц как этой бригады, так и 1-го Хоперского полка № 16 было обращено в разряд сельских обывателей Ставропольской губернии. Взамен этой убыли у Хоперцев, к Хоперскому полковому округу были присоединены станицы 1-го Урупского № 18 полка: Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая, Исправная, Передовая, Препрудная, Удобная, Отрадная, Попутная, Бесскорбная, Надежная, Спокойная. Станицы эти, как образовавшиеся из поселенцев, большею частью, из Хоперской бригады, естественно и нераздельно примкнули к братскому населению.

Таким образом 1-й Хоперский № 16 полк, прослужив 37 лет, ознаменованных боевыми подвигами во славу русского оружия при покорении Кавказа, закончил свое существование и казаки этого полка обратились в мирных русских хлебопашцев. х/

С 1870 г. в Кубанском Войске полки стали именоваться прежними именами. В Хоперском полковом округе на службе состоял 6-ти сотенный Хоперский полк и дома, в своих станицах состоял "льготный состав" 12 сотен Хоперского полка.

После Турецкой войны 1877-1878 г.г. полки в Кубанском Войске стали называться: служащий - 1-м Хоперским полком, а состоящий на льготе - 2-м Хоперским полком.

Служба Хоперских казаков в составе российских войск началась, как было сказано, с 1696 года в войне против турок при взятии крепости Азова. Затем, Хоперцы, вместе с Донцами были на войне против шведов в сражении при Лесной в 1708 году и "на разных баталиях шведских" в период 1707-1717 г.г., а также участвовали в Прутском походе против турок в 1711 году.

На службе в Новохоперской крепости Хоперская команда высылала разъезды по окрестностям и отправляла сторожевую службу к стороне Крыма, на пограничных пикетах, заставах и, кроме того Хоперцы держали наготове резерв для преследования и уничтожения разбойничьих банд, сильно обижавших жителей этой глухой, лесистой окраины. Нужно полагать, что свою службу Хоперские казаки исполняли усердно и добросовестно, потому что в 1732 году, по повелению Императрицы Анны Иоанновны, им пожаловано было знамя и два значка "для случающихся казацких командирований..." как сказано в Указе Правительствующему Сенату; Кроме того, за Хоперскими казаками были закреплены земельные и лесные угодья по 15 десятин на душу обоюбого пола и рыбные озера.

С поселением Хоперского полка на Азовско-Моздокской линии, казаки стали здесь лицом к лицу с совершенно неизвестным врагом - с кавказскими горскими народами - этими смелыми, отваж-

-----
 Примечание х/- 1-й Хоперский полк был расформирован и станицы обращены в села в 1869 году. "Челаящим было предоставлено право остаться казаками и переселиться в казацкие станицы, чем некоторые и воспользовались.

Ред.

ными и хищными наездниками. Кабардинцы и закубанские черкесы, живя в горных и лесных трущобах, занимались только коневодством, скотоводством и овцеводством, презирая земледельческий труд и считая позором пахать землю, почему это занятие было возложено на рабов-пленников.

Вследствие такого положения, все необходимое для жизни добывалось грабежом и воровством у пограничных русских жителей, откуда также приобретались и пленники.

Черкесы жили только войною и набегами для захвата добычи, чтобы этим прославить свое имя и обеспечить праздное существование. Они сами говорили: - "Война и грабеж - это наше главное ремесло и если мы прекратим это делать, то должны умереть от голода и нужды."

Никакие наши миролюбивые предложения к горцам не действовали и цели не достигали; горцы считали их нашою слабостью, смеялись и еще больше становились наглými и дерзкими.

Таким образом, на Кавказе и создалось положение: с одной стороны наши пограничные жители сел и станиц, живя в постоянной опасности от неприятельских набегов, зорко и бдительно, с оружием в руках, день и ночь, охраняли границу, свои семейства и имущество, а с другой стороны, отважные и хищные партии черкесских наездников, где тайно, а где и явно - в районе этих сел и станиц - рыскали в поисках добычи и пленных. Этим последним, горцы употребляли на земледельческие работы или продавали в рабство туркам.

Хоперские казаки, с первых же шагов своих на новых местах охраны наших пределов сосредотачивали все свое внимание на обязанности по отправлению пограничной службы, но не только это - им надо было распознавать и изучать своего противника, по пословице "С волками жить - по волчьему выть". Но научиться всему этому было не у кого: - край был богатый дарами природы, но пустынный и таивший в своих долинах и лесах опасность и гибель. Учиться можно было только у врага. Каждый опыт и знание достигались трудом и опасностью, потом и кровью на протяжении многих лет.

Зато, с годами, переняв от горцев одежду, снаряжение и вооружение, и усвоив себе их боевые приемы, казаки, с присущей русскому воину стойкостью и дисциплиною, не только мерялись с черкесами один на один, но пошли и дальше в деле перенесения трудов и лишений, сметливости и хитрости, в дерзости и находчивости они далеко переunggоляли своих противников: на полях открытых битв, в засадах, в погоне за врагом и в пешей обороне, казаки уже, в свою очередь, давали черкесам тяжелые уроки.

Первые боевые схватки Хоперцев с кабардинцами и закубанскими горцами произошли в 1784 году близ крепости Ставропольской, у Алексеевского фельдшанца и около станицы Северной и с тех пор, в течение 80-ти лет, Хоперцы уже не слагали оружия и не знали отдыха от боевых трудов по охране границы, своих родных станиц и селений мирных жителей.

Днем и ночью на сторожевых постах и в резерве, в разъездах и в поисках казаки, с оружием в руках, зорко всматривались во все стороны, готовы ежеминутно к кровавой схватке с черкесами.

Вспыхнувший в мраке ночи смоляной пограничный маяк, или зловещий колокольный набат ближайшей станицы, подымал на ноги кор-

донные посты и резервы и казачьи конные команды неслись полным ходом к угрожаемому, или уже атакованному горцами пункту. А когда колокольный звон будил станицу, стар и мал, женщины и все кто только мог, схватив какое либо оружие, или вилы, или косу, поспешно бросались к станичной ограде и там, за нею, становились живою стеною, чтобы отстоять свои родные очаги.

Такова была жизнь казака на Кавказской линии в течение многих лет и уделом его были только труд, лишения, бедность, тревога и опасность....

Привожу краткий перечень выдающихся походов и боевых действий Хоперского полка против неприятелей

1796 г. - 4 сотни полка участвовали в походе в Персию, во взятии крепости Дербента и в бою при селении Алпаны.

1806 г. - Одна сотня участвовала в Персидско-войне и при взятии крепости Эривань.

1824-1825 г.г. - 4 сотни участвовали в походах и боевых действиях против кабардинцев.

1828 - 1829 г.г. - Хоперцы, в составе войск генералов Эмануэля и Антропова почти непрерывно провели в походах и в боях против Закубанских горцев и при покорении Карачая. Одна сотня, в составе Сборного Линейного полка была в походе против турок, в Анатолии, при взятии крепости Карса, Эрзерума и Байбурта. За боевую службу во время этой войны, полку было пожаловано в 1831 году простое знамя с надписью: "За отличие в Турецкую войну и за дела бывшие против горцев в 1828 и 1829 годах."

1840-1845 г.г. - Полк в походах и боевых действиях против черкесов в отряде генерала Засса при заселении Лабинской линии.

1843 г., апрель - Славное дело 4-х сотен полка под начальством Командира полка полковника Круковского с многочисленной партией черкесов у станицы Бекешевской и полное поражение этой партии.

1851 г. - I-му Хоперскому полку пожаловано простое знамя с надписью: "За отличную, усердную службу."

1853-1856 г.г. - Во время "Восточной войны", 2 сотни Хоперской бригады, в составе Сборно-Линейных полков участвовали в сражениях с турками под Башкадыкларом и сел. Кюрюк-Дара и при взятии крепости Карса, за что сотням пожалованы знаки отличия на папахи: сотне I-го Хоперского полка "За отличие в 1855 году", а сотне 2-го Хоперского полка "За отличие в 1854-1855 годах". Остальные сотни Хоперской бригады провели эти годы в походах и делах против Закубанских горцев при утверждении нашем на р. р. Зеленчуке и Урупе.

1860-1864 г.г. - После покорения Чечни и Дагестана и пленения Шамиля в 1859 году, войска наши были двинуты в горы западного Кавказа для окончательного его завоевания и покорения Хоперские полки № 16 и 17 весь этот период провели в походах и сражениях с Закубанскими горцами при вытеснении их из горных и лесных трущоб, при переселении их на плоскость левых берегов Кубани и Лабы и при заселении казачьими станицами предгорий западного Кавказа.

Так закончилась эта долголетняя, кровопролитная и тяжелая Кавказская война, стоившая России многих тысяч человечес-

них жизнью и многих миллионов денег...

Покорившиеся и примирившиеся со своею долею черкесы были поселены на плоскости, а непримиримые и фанатичные переселились в Турцию.

За боевые подвиги, за мужество и храбрость, оказанные в этой войне, обоим Хоперским полкам были пожалованы Георгиевские знамена в 1865 году.

1-му Хоперскому № 16 полку с надписью: "За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году".

2-му Хоперскому полку № 17, с надписью: "За отличие в Турецкую войну, в делах бывших против горцев в 1828-1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году".

Как выше было сказано, в 1870 г. 1-й Хоперский № 16 полк был упразднен, станицы полка переименованы в селения, а казаки обращены в разряд сельских обывателей. И вот, по их просьбе, Император Александр II-й приказал передать им на вечное хранение для назидания потомству, заслуженные ими знамена: простое, пожалованное в 1851 году и Георгиевское, пожалованное в 1865 году. Оба эти знамени хранились в церкви сел. Александровского.

Эта убыль в населении Хоперского полкового округа, как сказано было выше, пополнена присоединением станиц Урупской бригады, почему Хоперцам было передано, пожалованное в 1865 году 1-му Урупскому № 18 полку Георгиевское знамя с надписью: "За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году". Знамя это принадлежало 2-му Хоперскому/льготному/ полку.

На всем протяжении Кавказской войны до 1866 г. нашу границу за Кавказом с Турцией и Персией охраняли Донские казачьи полки. После же покорения Западного Кавказа, решено было освободить от этой службы Донцов, а охрану границы возложить на казаков Кубанских и Терских. Проект этот был приведен в исполнение в период 1866-1870 г.г. и 8 полков Кубанского и Терского Войск заняли границу от Черного моря до Арарата против Турции и далее до Каспийского моря против Персии.

Хоперский полк занял Ванскую кордонную линию против Персии, по левому берегу Аракса от г. Ордубата до сухопутной черты от р. Аракса к Белясуару, при чем пять сотен заняли пограничные посты, одна оставалась при штабе полка в урочище Ванк, Елизаветпольской губернии.

Дик, непригласим и угрюм этот участок нашей границы с Персией, так как на всем протяжении его, правый берег Аракса гористый и мало доступный. Пустынные, некрасивые и безлесные горы Карадага спускаются к Араксу темными ущелиями, где всегда таились контрабандисты и персидские разбойники из племени шахсеван, которые нередко малыми и большими партиями переходили на наш берег и угнали у жителей скот и лошадей. Приходилось поэтому зорко следить за этими хищниками, хорошо вооруженными и на добрых конях, приходилось вступать с ними в бой, чтобы недопустить их в наши пределы или отбить добычу и контрабанду или даже для того, чтобы отстоять свою собственную жизнь, при встрече с превосходным количеством противника...

Такова была служба Хоперцев до 1877 года, до начала новой Турецкой войны.

Когда началась эта война, в Чечне, Дагестане и на Западном Кавказе появились многочисленные турецкие шпионы, которые стали возбуждать мусульманское население к восстанию против России и к боевым действиям против русских войск, чтобы тем оттянуть наши силы от театра войны и способствовать успеху турецкого оружия.

Заволновались Дагестан и Абхазия. Лезгинские конные и пешие партии наводнили Самурский округ, Нухинский и Кубинский уезды и даже осадили укрепление Ахты.

Приказано было усмирить это восстание.

Хоперский полк, по распоряжению начальства, сдав свой кордонный участок Елизаветпольскому конно-иррегулярному полку, двинулся к городу Нухе, где формировался Нухинский отряд для освобождения укрепления Ахты от блокады.

На пути, две сотни полка были отделены и направлены в Шемахинский уезд и к селению Кусары в южном Дагестане против появившихся в тех местах многочисленных лезгинских и татарских разбойничьих партий.

Решительное и быстрое движение Нухинского отряда через главный Кавказский хребет к укреплению Ахты и славное дело Хоперцев на Хиналугском перевале, где казаки в пешем строю, жестким огнем сбили 2-х тысячное скопище лезгин, имели последствием освобождение Ахты от осады горцами, которые, бросив укрепление, рассеялись по горам.

Две же сотни Хоперцев, в составе Самурского отряда, в течение 2-х месяцев, настойчивыми и решительными действиями, где вместе, где посотенно, совершенно очистили эту часть Южного Дагестана от разбойничьих банд, частью уничтожив их, а частью загнав в горы.

В начале 1878 года полк был передвинут в Тифлисскую губернию, в Духоборию для охраны порядка, где оставался до конца этого года, когда был переведен на постоянную службу в пределы Кутаисской губернии и Батумской области, со штаб-квартирой в г. Кутаисе. Здесь 1-й Хоперский полк оставался до 1914 года.

--

2-й Хоперский полк, вызванный со льготы и мобилизованный в ноябре 1876 года, был двинут в Закавказье и, по объявлению войны туркам в апреле 1877 г. вошел в состав Эриванского отряда. В составе этого отряда Хоперцы были в походе в Алашкертскую долину, на берега реки Ефрата и в сражениях с турками при взятии крепости Баязет и при освобождении его от блокады курдами, а также в жестоких боях на Драм-Даге и у сел. Даяр.

При отступлении нашем в свои пределы под натиском войск армии Мухтара, Хоперцы бесстрашно были в арьергарде и своими контр-атаками сдерживали многочисленные скопища баши-бузуков и курдов.

Став, затем, крепко заставами на перевале Агри-дага, Хоперцы мужественно отбивали непрерывные попытки армии Измаила Паши прорваться в наши пределы, затем, когда турки были разбиты на Аладже, 2-й Хоперский полк был двинут к Кагызмаю и Кульпам. Здесь, у селения Зырчи, Хоперцы ловким маневром, окружили отступавших от Арлиара турок, в числе одного табора с артиллерией и принудили их положить оружие.

Только в конце 1878 года Хоперцы 2-го полка возвратились на Кубань, в свои родные станицы и полк был расформирован.

За боевые подвиги и за понесенные труды во время этой войны, Хоперским полкам были пожалованы в 1879 г. Георгиевские серебрянные трубы, по 12-ти в каждый полк с надписями:

1-му Хоперскому полку-четырем сотням "за переход с боем через Кавказский хребет в 1877 году", а остальным двум-"за подавление восстания в Дагестане в 1877 году"

2-му Хоперскому полку-"За отличие в Турецкую войну в 1877-1878 годах."

Кроме того, Великая Княгиня Анастасия Михайловна была назначена шефом 1-го Хоперского полка.

В 1896 году, по случаю исполнения 200 лет отличной службы Хоперских казаков, Император Николай II-й пожаловал им новые три знамени с юбилейными Александровскими лентами: 1-му и 2-му Хоперским Георгиевские знамена и 3-му Хоперскому простое, взамен пожалованных в 1831 и 1865 годах с сохранением тех же надписей.

Во время Великой Отечественной войны 1914-1917 гг. от Хоперского полкового округа было отправлено на театр военных действий, кроме бывшего на действительной службе 1-го Хоперского полка, 2 2/3 конных полка, 6 особых конных сотен, 2 пластунских батальона и около 200 казаков в артиллерию и в Конвой Его Величества х/ Сверх того, состояли на службе при управлении Батальонного отдела Хоперские конная и пешая сотни, насчитав в числе 400-500 казаков.

Так, в течение 220 лет Хоперские казаки с честью и славою служили Российскому государству и его Державным Вождям, крепко верили в Бога, неизменно соблюдали долг присяги и славные заветы отцов и дедов и не за страх, а за совесть твердо и мужественно стояли в первых рядах российских войск против врагов Отечества.

Примечание х/- О походно-боевой службе Хоперцев за эту войну мне ничего не известно. Обязанность участников написать об этом.

В. Толстов.

Д о п о л н е н и е

к Исторической памяти Хоперского полка Кубанского каз. Войска.

1914-1922 г.г.

По объявлении войны в июле 1914 года, кроме 1-го Хоперского полка, находившегося на службе в городе Кутаисе, из Хоперского полкового округа были мобилизованы: 2-й и 3-й Хоперские полки, запасная конная сотня, половинный состав 12-го Пластунского батальона и запасной пешей сотни и выслано укомплектование 6-го Пластунского батальона, сформировавшегося из каза-

заков Баташпашинского и Лабинского отделов.

Всеобщая деятельность Хоперских полков, отправленных в начале августа на Австро-Германский фронт, выразилась в следующем:

1-й Хоперский полк, в составе Кавказской кавалерийской дивизии, участвовал с 10 августа 1914 г. в боевых операциях в районе города Калиша и, при наступлении немцев на Варшаву.

В конце декабря 1914 года полк переброшен на Турецкий фронт для ликвидации прорыва турок на г. Карс, а затем действовал в районах Тавриза, Саудж-булаха, Вана и Мелязгерта. В конце ноября 1915 года полк переброшен на Румынский фронт, а в начале января 1916 года - в Персию где вошел в состав Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова, оперировавшего на Багдадском направлении. В августе 1917 года вновь переброшен на Западный фронт в район города Минска и в январе 1918 года вошел в состав 2-й Кубанской льготной дивизии, с частями которой и отправился походным порядком на Кубань, по распоряжению Кубанского Войскового Правительства. Это было вызвано необходимостью собрать Кубанские казачьи части в область для защиты ее от надвигающейся угрозы со стороны большевиков.

2-й Хоперский полк, в составе 2-й Кубанской льготной дивизии, с начала августа до половины декабря 1914 года принимал участие в непрерывных авангардных боях в направлении от Львова на Стрый, перевал Бескиды, Мункач/в Венгрии/, при наступлении 3-й армии в Галиции.

За время этих боев полком взято в плен больше 2.000 австрийцев, 4 орудия и много оружия.

Непрерывная напряженная работа в Карпатах, при недостатке фуража, привела в негодность до 1/3 конского состава, вследствие чего дивизия была отправлена в конце декабря на отдых в район города Петрограда и полк расположен в Гатчине.

В начале апреля 1915 года части дивизии переброшены сначала в Сувальскую, а затем в Ковенскую губернию.

С июня и до половины сентября полк участвовал в многочисленных арьергардных боях во время отступления наших армий, а в октябре дивизия для пополнения и приведения в порядок, была отведена в район Орши, где пробыла до февраля 1916 г. С этого времени и до февраля 1917 года, с перерывом в 4 месяца, полк занимал окопы к западу от Минска, а затем отправлен в гор. Витебск/4 сотни и пулеметная команда/ и в гор. Смоленск /2 сотни/ для поддержания порядка на железных дорогах.

В январе 1917 года, полк, в полном порядке, с оружием, прибыл на Кубань и казаки разошлись по домам.

3-й Хоперский полк по сформированию, отправлен на Австро-Германский фронт в район города Люблина и Холма, где вошел в состав 3-го Кавказского корпуса и принимал участие в боях на р. Сан у Ивангорода и под крепостью Осовцом.

В январе 1917 г. полк переведен в состав Кавалерийского корпуса Баратова, действовавшего в Персии и участвовал в делах против турок на р. Диала у Джемура, Асриширина и Ханекея.

В марте 1918 года полк прибыл на Кубань и был расформирован.

Таким образом, за время Великой войны, Хоперцы побывали на всех фронтах.

Захват большевиками власти на Кубани в начале 1918 г. застал Хоперцев не организованными и многие из них, не желая им подчиняться и, опасаясь репрессий, скрылись в горах и лесах, разбившись на мелкие партии. Сознание необходимости открытой борьбы с большевиками, заставило партии соединиться в отряды и летом начались бои почти безоружных казаков так как большая часть оружия была отобрана большевиками при занятии ими станиц.

Быстро были сформированы 1-й, 2-й и 3-й Хоперские полки, а также полки 1-й и 2-й Партизанские и 2 Пластунских батальона. Эти части, при помощи горцев, отстаивали Баталпашинский отдел до конца года, когда наступление крупных сил большевиков со стороны группы Минеральных вод было отбито и они начали отходить в Терскую область и в Старополье на Св.Крест.

При очищении Терской области, 3-й Хоперский полк был расформирован и пошел на пополнение 1-го и 2-го полков.

По изгнании большевиков из Терской области и Ставропольской губернии, Хоперские и Партизанские полки, в составе 1-й Кавказской казачьей дивизии, участвовали в многочисленных боях при очищении от большевиков Донской области, Екатериновской, Херсонской и Воронежской губерний, при чем дивизией захвачено 5 бронепоездов, более 50 орудий, 150 пулеметов, много военного снаряжения и более 10.000 пленных.

При отступлении Добровольческой армии в 1920 г. на юг, Хоперские казаки остались в Баталпашинском отделе и только незначительная часть их ушла на Черноморское побережье, оттуда не желая сдаваться большевикам, скрылась в Грузию.

В марте 1920 г. Баталпашинский отдел вновь был занят большевиками и служившие в рядах Добровольческой армии казаки, скрылись в горы. И в июне-июле стали собираться около станиц Кардоникской в отряд под начальством ген. Фостикова, где и были опять сформированы 1, 2 и 3-й Хоперские полки. В этом отряде Хоперцы вели успешные бои в Баталпашинском и Лабинском отделах до конца августа, когда отряд, с присоединившимися к нему казаками Лабинского и Майкопского отделов, под давлением значительных сил большевиков, вынужден был отойти через перевалы Аишхо и Псеашхо на побережье Черного моря. При этом, часть Хоперцев возвратилась в Баталпашинский отдел, где и по настоящее время ведет упорную борьбу с большевиками, скрываясь в горах.

На Черноморском побережье, в районах Красной Поляны и Адлера бои продолжались до октября.

Терпя большую нужду в продовольствии и фураже и растреляв последние патроны, отряд перешел в Грузию, откуда, на присланных судах, перевезен в Крым без оружия и лошадей, оставленных грузинам.

В Крыму Хоперцы вошли в состав пешей Кубанской дивизии, принявшей участие в последних боях на Крымском перешейке, а затем эвакуированны на остров Лемнос где пробыли до июня 1921 г. в составе Кубанского корпуса. При эвакуации в Сербию, Хоперцы вошли в 1-й Сводно-Кубанский полк, Кубанской дивизии, где и находятся в настоящее время в 5-й и 7-й Хоперских сотнях.

29 июня 1922 г.

Генерал-майор Б о ч а р о в в.

селение Бари.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ РЯБОКОНЬ.
Сотник .

Очерк составлен на основании показаний станичников В.Ф. Рябоконея.

Ред.

Осенью 1920 года, Кубанским десантом, высланным из Крыма, закончилась борьба войск Юга России на Кубани.

Но это не значит, что после этого там наступило полное успокоение казачьего населения и что советская власть там сразу закрепилась.

Нет. Там еще долго действовали отдельные повстанческие отряды казаков, наводившие ужас на представителей советской власти.

Одним из выдающихся повстанческих казачьих вождей был казак станицы Гривенской сотни Василий Федорович Рябоконея.

В течение нескольких лет, своими смелыми действиями против большевиков, он заслужил чтобы имя его навсегда было запечатлено в истории родного Войска и было бы записано на страницах ее наряду с теми кто выковывал славу казачью.

В.Ф. Рябоконея происходил из семьи простого, не зажиточного казака. 17-ти лет от роду он вступил в войсковой хор Кубанского Войска, где оставался вплоть до начала гражданской войны на Кубани, в которой он принял участие, заслужил чин хорунжего, а когда Кубанский отряд, в феврале 1918 года оставил Екатеринодар и ушел за Кубань, где потом соединился с Корниловым, Рябоконея опять оказался в своей станице Гривенской.

В то время ему было, примерно 30-32 года.

Высокий, стройный, с открытым смелым лицом и резко очерченным профилем лица, худощавый, он внешнею своею напоминал кавказского горца.

Всегда бодрый, веселый, он отличался порывистостью характера.

Уличный стрелок и наездник, он представлял, как внешнею своею, так и характером, типичного казака, созданного для борьбы за казачью долю.

Оказавшись весной 1918 года в станице, как участник в борьбе против большевиков, он принужден был всегда быть начеку, почему большую часть дня проводил в плавнях, окружающих станицу, скрываясь там с другими казаками, которые не мирились с советскою властью.

Для того, чтобы яснее была обстановка в которой работал Рябоконея в течение нескольких лет, необходимо, вкратце, дать описание района его действий.

Станица Гривенская, она же Новонижестеблиевская, лежит на правом берегу северного рукава Кубани, именуемого Протокою, впадающей в Азовское море около рыболовного завода Ачуев.

Протока, почти на всем своем протяжении протекает в плавнях, занимающих огромное пространство между станицами Петровской, Полтавской, Староджерелиевской, Новониколаевской, Степной и Приморско-Ахтарской.

Гривенская находится почти в центре этого района и расположена, примерно, в 30 верстах от берега моря. К северо-востоку от нее, в расстоянии верст 7-ми, лежит, принадлежащий ей хутор Лебедевский, а глубже, в плавнях хутора Шпичкивка, Волошкивка и другие. Плавни окружают станицу со всех сторон, кроме восточной.

Плавни-это болота, покрытые камышем, среди которого есть чистые водяные пространства. Между камышами попадаются полосы земли разной ширины, называемые грядами, которые теряются в плавнях. Некоторые из них широкие и даже распахивались, другие узкие.

Болота, в большинстве, не глубокие, но попадались и глубокие места, называемые прогоями, попав в которые, человек может выбраться с трудом.

Камыш, покрывающий болото доходил высотой до 2-х сажень, был настолько густым и толстым, что, местами, являлся непроходимым. Среди плавни много лиманов.

Вот эти то плавни и служили приютом для Рябокonia и тех кто был с ним. Отсюда они наводили страх и трепет на большевиков.

Недалеко, действовал небольшой отряд казаков станицы Полтавской полковника Скакуна, с которым в связь вступил Рябоконь.

Представители местной станичной советской власти все время вели наблюдение за Рябоконем, выжидая удобный момент, чтобы его арестовать.

Однажды, в темную июньскую ночь, в 2 часа после полуночи, отряд красноармейцев силою в 15 человек, с тачанкою, на которой был пулемет, окружили дом Рябокonia.

Невидимому, они не ожидали сопротивления и когда Рябоконь открыл по ним огонь, то, после небольшой перестрелки, они разбежались, бросив лошадей и тачанку с пулеметом.

Сев на одну из брошенных лошадей и захватив две в поводу, Рябоконь уехал из станицы в плавню.

Пользуясь смятением в рядах нападавших, семья Рябокonia ушла из дому и там остался только старик-отец, который спрятался в кучу кизяка, сушившегося во дворе.

Придя в себя, большевики вернулись, отыскали старика и изрубили его на мелкие куски. После этого, они водрузили на тачанке красный флаг, с криком "Поминайте Рябокonia" - и с песнями, направились в стансовет. На тачанке лежали два убитых красноармейца.

На следующий день все имущество Рябокonia было вывезено, а дом сожжен.

После этого, Василий Федорович с казаками, которые к нему присоединились, не давал покоя представителям советской власти и уничтожал их при всякой к тому возможности.

1-го августа 1920 г., в станице Приморско-Ахтарской высадился десант под командою генерала Улагая. Когда об этом стало известно в Гривенской и в соседних с нею станицах, то казаки там организовались и сбросили советскую власть.

Рябоконь, со своими казаками, присоединился к дивизии ген. Шифнера-Маркевича, которая составляла правый фланг войск десанта и наступал, в общем направлении на станицу Полтав-

скую. Но дивизия эта была очень малочисленна и в распоряжении Шифнера-Маркевича не было винтовок для вооружения присоединившихся к нему казаков.

Десант не удался и уже через 10 дней после высадки его началось отступление.

Некоторые казаки из станиц района действий десанта, ушли, вместе с ним, в Крым, но Рябоконь остался на Кубани. Во время погрузки на суда, он был на берегу моря и приглашал казаков, желающих продолжать дальнейшую борьбу против советской власти, оставаться с ним.

За ним последовало несколько сот казаков, которые и обосновались на Казачьей гряде, находящейся севернее Ачуева и протекающей параллельно берегу моря, в некотором расстоянии от него. Там были построены курени из камыша и организованы склады продовольствия и фуража.

Когда зимою Рябоконь узнал, что войска Врангеля ушли из Крыма, он объявил казакам, что дальше надеяться на помощь извне им не придется, сказал, что сам будет продолжать борьбу до последней возможности, а желающим предложил разойтись по станицам. Большинство ушло. С ним осталось человек 60, из них часть конных. Между ними были: его брат Иосиф, есаул Кирий, женатый на его сестре, Илларион и его младший брат Мовчаны, Загубывбатъко, Омелько Дудка, Буряк и некоторые другие - всего из Гривенской человек 15, остальные из соседних станиц.

Рябоконь и его казаки часто днем и ночью появлялись в Гривенской, почему представители местной советской власти там не ночевали, а влезали в другие станицы, даже в Славянскую, а в станице ночевали лишь тогда, когда туда приходили красноармейские части.

Большевики неоднократно пытались захватить его, послали против него красноармейские части, но сделать ничего не могли, так как, через своих людей, которые были даже в стансовете, он заблаговременно узнавал об этом и встречал наступающих там где они не ожидали. Они даже не могли точно установить место его пребывания.

Продовольствием Рябоконь снабжался из окружающих станиц и хуторов. Желая этому воспрепятствовать, большевики выселили поголовно всех жителей хуторов Шпичкивки и Волошкивки, которые глубже других входили в плавни. Но это им не помогло. Рябоконь прекрасно снабжался, главным образом за счет членов стансовета и других советских лиц, на которых он, под угрозой расправы за послушание, налагал свой "продналог". Но бывали случаи когда он снабжался за счет советской власти.

Надо сказать, что большевиками была сделана раннею весною продрозверстка, по которой весь хлеб, за исключением 10-ти пудов на каждого едока, включая сено и зерно для посева, должен был сдаваться государственной власти. Тоже самое, должны были сдавать шестую голову скота. Все это свозилось в назначенные пункты.

Раннею весною тысячи подвод с казачьим хлебом потянулись из окрестных станиц к большевистским складам в Ольгинской и Новоджерелиевской станицах.

И вот, однажды, из Гривенской шел транспорт, нагруженный мешками с хлебом в количестве 24 саней. Примерно в расстоянии

15 верст от Гривенской, на берегу р. Понуры, их остановил Рябоконец. Здесь стояли его сани, запряженные парой хороших лошадей и три вооруженных казака, среди которых был казак Скороый. На санях стояла бочка с салом, надушна с маслом и, в мешках, лежал хлеб.

Стоял полдень февраля месяца. Началась оттепель. На дорогах была грязь.

Остановив транспорт, Рябоконец сказал:

"Я заплачу вам дороже чем советская власть, да и везти будет ближе." -

Свои сани он послал со Скороым вперед, а сам, во главе обоза двинулся на Волошкивку, до которой было верст 10 и ехали по грязи. По дороге Рябоконец, из винтовки застрелил зайца, пробежавшего от него шагах в 200-х.

От Волошкивки пошли по льду. Прошли верст 40 и, уже в темноте, транспорт был остановлен среди плавни. Здесь уже стояли сани Скороого. Было приказано сгружать мешки на лед.

Опросив каждого сколько пудов он вез хлеба, Рябоконец выдал каждому квитанцию за своей подписью и печатью с двуглавым орлом.

Дав подводчикам поесть хлеба с салом, Рябоконец предупредил, чтобы не говорили где сгрузили хлеб.

"Если кто из вас скажет это, то с ним я поступлю как с зайцем. Его я убил за 200 шагов, а предателя достану на сколько хватит ружье" - добавил он.

Предупреждение это было излишним, т.к., все рано, никто не мог указать место, т.к. ехали в темноте.

Только к вечеру на следующий день подводчики добрались из плавень и прибыли к зданию стансовета. Когда они там рассказали, что случилось, то все, кроме одного мальчика, были взяты как заложники.

Судила, решила советская власть, что делать с Рябоконцем и решили попытаться уговорить его прекратить повстанческую деятельность и вернуться в станицу.

Для этого было организовано целое шествие в плавни, в котором должны были принять участие все жители станицы также и воинская часть, прибывшая туда.

С раннего утра шествие двинулось. Впереди шли заложники, за ними ученики, потом духовенство со святостями, народ и шествие замыкали красноармейцы, но не вооруженные. Их командир - полковник и некоторые члены стансовета ехали на тачанке. Дорогу указывала учительница Поддубная, которая ранее состояла в отряде Рябоконца.

Заранее было объявлено, что за всякого убитого красноармейца или представителя советской власти, будет расстреляно 80 жителей станицы.

Когда толпа отошла от станицы верст на 20, то совершенно неожиданно ружейная и пулеметная стрельба спереди и сзади. То стреляли в воздух засады, устроенные повстанцами.

Народ и красноармейцы бросились, в панике, бежать. Бросился удирать и полковник на тачанке. В это время выскочил Рябоконец с несколькими конными казаками и бросился ее преследовать. Догнав тачанку, Рябоконец отрез плетью всех сидящих в ней и, между ними произошел короткий разговор:

- "Зачем вы обманываете Бога? Зачем пришли вы со святостями когда в Бога не веруете? -

- "Мы Бога не обманываем, а только исполняем приказ своего начальства" - ответил полковник.

- "Что же, разве вы не знаете своего бандита Сталина, что верите ему" - ответил Рябоконь, еще раз "приветствовал" сидящих в тачанке, плетью и спокойно возвратился в плавни.

Участвовавшие в этом шествии, вернулись домой только к вечеру.

После этого, Сталин объявил премию в 2.000 рублей тому кто доставит Рябоконя живым или мертвым.

В течение почти года, Рябоконь продолжал действовать, навоевывая страх на представителей советской власти. Красноармейцев, если они не шли против него, он не трогал, но коммунистам, представителям власти, их сотрудникам и особенно сексотам, он пощадил не давал. Не мало их было им уничтожено.

Но и предатели не дремали. Нашлись польстившиеся на сталинское золото.

Первою оказалась, бывшая сподвижница Рябоконя, казачка станицы Гривенской, учительница Поддубная.

Войдя тайно в связь с кем надо, она решила использовать удобный случай, чтобы напасть на Рябоконя. 1-го января он был именинник и она, правильно рассчитав, решила сделать нападение именно в этот день.

Зная хорошо местность и расположение куреней Рябоконя, она, под Новый год 1922 г., во главе небольшого отряда красноармейцев, пробралась к месту расположения их с той стороны откуда нельзя было ждать нападения.

В расчетах своих она не ошиблась: - у Рябоконя шел пир горою: песни, музыка, веселье...

Подойдя почти вплотную к куреням, большевики открыли по ним огонь. Было убито до 20 казаков. Сам Рябоконь ранен в руку, брат его в живот. Среди убитых был есаул Кирий.

Как только красноармейцами был открыт огонь, Рябоконь и те, что уцелели, немедленно ответили пулеметным огнем. Среди большевиков началась паника. Поддубная, прекрасно знавшая местность, вместе с главарями, успела убежать, но большинство красноармейцев нашли смерть в незамерзшем гирле, куда загнал их Рябоконь.

На следующий день, рано утром, уничтожив все, что нельзя было захватить с собою и взяв тела убитых, Рябоконь покинул Казачью гряду. Вечером туда пришли большевики, но никого не застали и лишь сожгли курени.

Теперь Рябоконь, у которого осталось всего человек 30, перешел к юго-востоку от Гривенской в плавни в районе станицы Староджерелиерской к лиманам Плауватому и Чебурголю.

Оставаясь здесь, он до Троицы 1923 года продолжал делать набеги на стансоветы окружающих станиц и уничтожал советских служащих.

Сталин неоднократно объявлял "амнистию" ему и казакам, что были с ним, а тем временем предатели, польстившиеся на премию, пытались его уничтожить.

Теперь взялся за это дело инородный ст. Гривенской Федор Кравец. Ему для этого была выдана винтовка. Об этом

узнал Рябоконт.

На I-й день Троицы, он приехал с тремя казаками на линейке в станицу, встретил и застрелил своего крестного отца казака Губу, который оказался сексотом и давал властям сведения о появлении Рябоконта в станице.

Застав Кравца в его доме, он потребовал от него винтовку. После долгого запырательства, Кравец сознался в своем замысле и вынул винтовку из пшеницы в бочке. Он здесь же был ликвидирован.

После этого, Рябоконт зажег его дом и предупредил, что того, кто попытается тушить пожар, он убьет.

Уничтожил он также жену иногороднего Староверову и ее дочь, которые также состояли сексотами и на него охотились.

В августе того же года, была новая попытка предать Рябоконт, своевременно им обнаруженная. На этот раз на 2.000 рублей польстился казак станицы Гривенской Даниил Мамама.

Зная, что Рябоконт часто бывает в станице и какими путями он туда проникает, Мамама выставил в таких местах заставы красноармейцев с пулеметами.

И действительно, в эту ночь Рябоконт со Скорым и еще одним казаком плыли по Английскому ерку и когда свернули в ерок Криженив, то стоявшая там застава, открыла по лодке ружейный и пулеметный огонь. Но и на этот раз Рябоконт обманул их бдительность. На лодке им были поставлены чучела, одетые в шинели, а казаки сидели, низко нагнувшись над бортами лодки. При первом же залпе, они выскользнул из нее в воду и уплыли в станицу, а солдаты продолжали осыпать лодку огнем. Чучела были изрешечены пулями. Когда обман обнаружился, то, с раннего утра, весь этот район был оцеплен густою цепью населения, среди которого, примерно человек через пять стояли вооруженные красноармейцы. Была установлена полная зрительная связь и сквозь цепь никто не мог пройти незамеченным.

В это время, на воде появилась красная ржавчина, которую большевики приняли за кровь и, несмотря на уверения жителей, что это ржавчина, они настаивали на том, что это кровь и что тело Рябоконта и его спутников, лежат где-то в воде.

При помощи кос, они выносили весь камыш и вытолкли его. Ни один вершок ерка не оставался неосмотренным и неощупанным., ю тела Рябоконта не обнаружили.

Между тем, приближалось обеденное время и Магома, которого никто из казаков не подозревал в предательстве, отправился к себе домой обедать, в этом же, окруженном районе. Но Рябоконт знал кто виноват. Он, с несколькими казаками, совершенно неожиданно, появился перед Магомой.

- "А ну, Данило, подойди. Нам надо поговорить с тобой" - обратился он к нему.

Магома оторопел, а затем бросился бежать вдоль улицы. Но меткая пуля Рябоконта догнала его.

Даже не посмотрев на него. Василий Федорович, со своими спутниками, вошел в сад одной вдовы и как в воду канул.

На выстрел сбежались власти и солдаты. Они увидели убитого и стали спрашивать куда делся Рябоконт. Какой то мальчик указал им направление. Сад и вся прилегающая местность были внимательно осмотрены, но ни Рябоконта, ни его спутников не нашли.

Продолжая оставаться в плавнях, Рябоконь со своими друзьями часто появлялся на линейке в окрестных станицах и продолжал получать от советских работников и сочувствовавших им "процналог". Особенно злостных коммунистов он истреблял беспощадно.

Бывал он не только в ближайших станицах, но и в Славянской и даже в центре края - в Екатеринодаре.

Однажды он лично ухитрился получить из склада огнеприпасы, потребовал два грузовика и стражу для охраны их и увез в район станиц Староджерелиевской. Здесь выгрузил их на краю плавни, стражу отпустил, вручив старшему записку для предъявления в складе, на которой написал:

- "Кто патроны выдавал, тот Рябоконя видал."

От своих людей он быстро узнавал имена сексотов, дававших сведения о нем советским властям. С ними, как и с другими отъявленными врагами казачества, он расправлялся быстро и беспощадно.

Однажды иногородний Гривенской станицы Чмиль пошел на охоту за зайцами с одним молодым казаком. Охотились они в плавнях, на грядах. Охота состояла в том, что они перегораживали узкие гряды сетками и в них нагоняли зайцев. Так они поймали 8 штук.

К вечеру они встретили Рябоконя, которому эта встреча была очень кстати, так как Чмиль был один из тех опасных сексотов, что предал в руки большевиков много казаков.

Поздоровавшись с ними, Рябоконь обратился к Чмилю с просьбой показать какую то дорогу.

Тот замедля, но Василий Федорович настаивал и сказал, что через час-два, он его доставит в станицу на своей линейке. Тому ничего другого не оставалось, как согласиться и они ушли.

Казак, видя, что всех зайцев донести не может, пошел в станицу, привел оттуда коня и навьючил на него добычу.

Вернувшись в станицу, он отнес несколько зайцев Чмилю. Там этот казак узнал, что Чмиль еще не вернулся. Не вернулся он и на другой день. Не вернулся вообще. Его, как человека опасного и наделавшего много беды, Рябоконь утопил в болоте и забил труп его под корни вербн.

Брат Рябоконя погиб случайно, трагической смертью.

Как-то, будучи не в настроении, он жаловался на "проклятую жизнь" и бросил заряженную винтовку в лодку. Произшел выстрел и он был смертельно ранен в грудь.

Уже умирая, он своею кровью написал на весле брату, что погиб по неосторожности и сам виноват в своей смерти.

Отчаянию Василия Федоровича не было края и, если бы у него не отобрали оружие, он покончил бы самоубийством.

Тело Иосифа был похоронено торжественно. Для этого был в плавню вызван священник. Над могилой был поставлен крест, который стоял несколько лет.

В 1924 году Сталин вновь объявил "амнистию" Рябоконю и тем казакам, что были в плавне с ним.

Часть казаков, в том числе двое из ближайших к Рябоконю - Загубывбатко и Омелько Дудка, стались.

В это время в Гривенскую приехал землемер, командированный для передела земли казачьей, между сбродом, наполнившим

станцию.

Председатель хуторского совета Василий Погорелый радостно принял его и, по случаю его приезда, устроил пирушку, на которую было приглашено еще 8 человек видных коммунистов станицы и хутора, среди которых были: Овчар, Бирюк и Киселев-одноглазый отставной солдат.

В самом разгаре пира, на пороге появился В.Ф. Рябоконь со Скорым. Погорелый и его гости оторопели. Но он успокоил их и сказал, что зашел на минутку, по делу. Ему предложили сесть.

"Ну что же, можно выпить стаканчик." - сказал он, усаживаясь за стол.

Затем, он обратился к хозяину и попросил послать когонибудь за подводой, для того, чтобы отвезти к Чебурголю продукты.

Это вызвался сделать иногородний Овчарь, которому присутствие Рябоконя внушало большое беспокойство.

Он вышел. Прошло минут 10, а он не возвратился.

"Видно налякался Овчарь и утик." - сказал Рябоконь и просил послать когонибудь другого.

Вызвался Бирюк и тоже не вернулся.

Рябоконь "начал волноваться". Послали третьего. Он тоже долго не возвращался. Рябоконь торопил и, пока продолжалась попойка, были посланы, по очереди, все присутствовавшие. Остались только Рябоконь, Погорелый и землемер.

"Видно здорово я налякал усих, що никто не вернулся" - сказал Рябоконь и добавил, обращаясь к хозяину:

"Видно придется вам Василь Павлович, отвезти що треба на своей бричке. Тут близко и через час-два вы вернетесь до дому." -

Погорелый вышел запрягать лошадей.

"Ну а теперь мы поговорим с вами" - сказал Василь Федорович, обращаясь к землемеру. - "Вы знаете, что земля наша - казачья, политая казачью кровью и на нее только мы - казаки имеем право. Почему же вы приехали делить ее?"

Землемер оправдывался, что он человек для здешних мест новый и только исполняет волю начальства.

"Так щоб другой раз не прииздили" - сказал Рябоконь, тоо выпейте оцю горилку" - и подал ему нераспечатанную четверть из числа стаявших в стороне.

Несмотря на протесты землемера и отказ, он заставил его выпить почти все содержимое четверти, а когда тот свалился, то Рябоконь и Скорый взяли его за руки и за ноги и бросили на натопленную печь. Прикрыв его кожухом "щоб не простудьвса", Рябоконь, со Скорым вышли, предупредив хозяйку, чтобы она, до рассвета, не смела выходить во двор.

А что же произошло со всеми теми, которые ходили запрягать лошадей.

Все они, кроме одного, лежали мертвыми, сваленными в кучу при выходе из дома.

Дело было так.

Рябоконь, узнав о прибытии землемера и о собрании коммунистической головки в доме Погорелого, решил их уничтожить. Он приехал с тремя своими казаками. Двоих оставил во дворе, а со Скорым вошел в дом.

Каждому из выходивших из дому, казаки набрасывали на шею заранее подготовленные петли с закруткой и закручивали ее.

Так погибли все, кроме красного партизана Киселева. Повидимому, петля на его шее не была плотно затянута и он, лежа в куче трупов, успел освободить ее, а, после ухода Рябокonia и назагов, выбрался из двора Погорелого и, не заходя в хуторской совет, навсегда исчез из Гривенской.

Еще год после этого Рябоконь продолжал уничтожать представителей советской власти и членов коммунистической партии.

Все смелые выступления его трудно перечислить.

Он сознавал, что, рано или поздно, а в руки палачей попадет, но это его не останавливало и он говорил, что до смерти будет бороться с насильниками за пролитую казацкую кровь.

Когда некоторые из его сподвижников спрашивали его до каких же пор будет длиться такая их жизнь, он отвечал:

- "Пока уничтожим человек 200, а потом и час убьют."

Ни одно преступление советской власти он не оставлял безнаказанным. За каждого убитого казака, он уничтожал большевиков и им сочувствующих, а сексотам пощады не было.

И действительно, пока Рябоконь был жив, представители советской власти были осторожны и не смели притеснять жителей станицы Гривенской, а также окрестных станиц. Они знали, что злодеяния их не останутся безнаказанными со стороны Рябокonia и были осторожны.

В других местах края они держали население в терроре, а здесь их терроризировал Рябоконь.

Осенью 1925 года, после Покрова, Рябоконь узнал, что готовится поимка его.

Несмотря на его бдительность, на этот раз счастье ему изменило.

Узнав под страхом расстрела, от пастуха станицы Староджералиевской о том, что вечером Рябоконь и Скорый, взяв телушку, ушли в плавню, преследовавшие его, рано утром, по их следам.

Шли они с большой осторожностью под прикрытием камыша. Подошли к куреню на несколько десятков шагов.

В это время с Рябоконем было всего 9 человек. Три человека свежатали телушку, остальные играли в карты. Рябоконь что-то писал, сидя у стола.

Распределив кому в кого стрелять, пришедшие сделали залп. Было убито 2 казака, в том числе Скорый и несколько человек было ранено. Сам Рябоконь был прострелен от плеча до плеча так что руки его повисли как плети. Стараяча, он успел один раз выстрелить из карабина, но промахнулся.

Застигнутые врасплох казаки Рябокonia бросились бежать, чтобы скрыться в камыше. Побежал и Рябоконь, но сделав несколько шагов упал.

Подбежавшие к нему преследователи крикнули чтобы он бросил револьвер и горнаты.

Рябоконь ответил, что руки его связаны и что им бояться его нечего.

Те подошли, подняли его и понесли.

Принесли к куреню, сделали ему перевязку, а затем, на линейке, доставили в станицу Полтавскую.

Когда об этом узнали казаки, то густая толпа окружила ливнейку. Женщины рыдали, казаки старались всячески его подбодрить и оказать ему свое внимание. Девушки приносили цветы.

Большевики этого станице не простили.

Из Полтавской его перевезли в Славянскую. Там казаки встретили его также.

Из Славянской, на пароходе, его отвезли в Екатеринодар, там его заключили в тюрьму.

Последним его видел казак станицы Гривенской Грицько Пухиря, сидевший в соседней камере. Им удалось перекинуться несколькими словами и Рябоконе сказал, что ему предлагали вступить в красную армию, но он решительно отказался.

На третью ночь, Пухиря слышал какой то шум в соседней камере и шум мотора.

С тех пор о В.Ф. Рябоконе больше никаких сведений не было. Видимо, в эту ночь он был расстрелян.

Это было в средних числах октября 1925 года.

После ранения и захвата Рябоконе, остававшиеся с ним казаки в станицу не возвращались. Были слухи, что они ушли в горы.

В течение 5-ти лет сотник Василий Федорович Рябоконе защищал население не только своей станицы, но и окрестных от произвола советской власти, которую он держал в постоянном страхе.

Не стало его и волна террора залила его родную станицу. Зверствовали большевики, стремясь наверстать потерянное за прошедшие 5 лет.

Со смертью Рябоконе волна террора захлестнула и его родную станицу Гривенскую.

Как послесловие, надо кратко сказать о судьбе семьи В.Ф. Рябоконе.

О том, что его отец был изрублен на мелкие куски, сказано было выше. Старушка мать была в числе 196 человек, расстреляна в 1920 г. после неудачного десанта из Крыма. Жена служила работницей у казака Кравца. Переезжая однажды на другой берег ерика Редант, для того чтобы подоить коров она утонула. Тряпичная затычка со дна каюка, на котором она плыла, вырвалась, каюк наполнился водой и, пока подоспела помощь, она утонула.

Дочка Рябоконе вышла замуж за казака Титаевского, также преследуемого советской властью. Около нее ютились два младших брата. Оба они потом поступили в совхозы и оставались там до начала войны. На войне оба попали в рабочие батальоны: старший - Семен, в Севастополе попал в плен, а о младшем ничего не известно.

Самый маленький сын Василия Федоровича, родившийся уже после того как он ушел в плавни, после смерти матери, переходил с рук на руки и куда делся неизвестно.

В. Н а у м е н к о .

В ЧЕМ СИЛА ЖЕНЩИНЫ.

В конце 70-х и начале 80-х годов прошлого столетия на Кубани проходила только одна Ростов-Владикавказская железная дорога и связующим нервом между городами этой области, были казенные почтовые тракты.

Вот такой тракт пролегал между Майкопом и Екатеринодаром, прорезая чудную, тогда еще дикую равнину-степь. Над Майкопом и по всему левому берегу р. Белой возвышались еще мягкие складки зеленой мантии Царя великана - Кавказских гор, седая голова которого - гора Элтбрус, ослепительным алмазом сверкает снеговой короной своей и видна со всех краев обширной Кубани. Местность между Лабом и Белой исключительно ровная и степная. Сочные травы здесь были так высоки и густы, что в них, с головою, прятался пеший и, пулясь ногами в переплетенных кочках их не мог двигаться. Многочисленные табуны лошадей и стада скота и овец вольно бродили по ним до наступления жары, когда тучи оводов и мух заставляли лошадей и скот гнать в горы, за р. Белую. Травы там, на огромных лесных полянах и по широким лесным, но не заросшим лесом балкам, не уступали равнинным, но, благодаря высоте местности, вечнозеленым, местами непроходимым лесам и влажному климату, трава здесь никогда не сохла, никто ее не косил и табуны, пригнанные в августе, оставались здесь и на осень и всю зиму на подножном корму, добывая его копытами, если его покрывал иногда мягкий снег.

Леса эти - родина оленя, всевозможных диких коз, медведя и даже зубра.

Напротив - в степи вас оглушит страшный бой перепела и всевозможных сверчков и кузнечиков и пение перхунов жаворонков звонких; часто весной вы могли видеть токование стрепета, а осенью стада дроф.

Степь пронизывают маленькие реки: Гиага, Грязнуха, Уль, Фарс и другие. Берега их часто поросли непролазной чащей орешника, дубка, боярышника, диких яблонь и груш, а по низу терновником, да стелбиной и хмелем. Это царство оазиса. Там же крылья и хищный волк и лисица, а в травах, на покосах, косари часто выкашивали детенышей дикой козы, которая всегда выводит детей не в лесу, а в траве, да иногда полкашивали обе ноги журавлю, который гнезда с птенцами не оставляет до смерти.

Население, однако, было редкое - казачьи станицы, а между ними аулы, верст на тридцать один от другого.

Вот, на полсвино дороги от станицы Гиагинской до Тенгинской, в пятнадцати верстах от той и другой, на юрте аула Темиргоя, стояла казенная почтовая станция Грязнухинская, а около нее казачий пост из шести казков под начальством приказного. Время было еще опасное, нападения на проезжающих и на почту были еще возможны и эти посты были необходимы. Почту казаки контировали по два: один снакал вперед, а другой сзади тройки с почтой, безопасность же поезда по тракту, вообще, поддерживалась наблюдением часорого с вишки, устроенной на кургане вблизи поста.

На станции жил смотритель с женою и три ямщика. Старший был Мирон из российских мужиков; пожилой, спокойный и трезвый,

хорошо знающий свое дело. Он имел жену Марью, которая дарила мужу каждый год по сыну несмотря на то, что была пленительница и утешительница всех казачьих сердец на посту. Был еще один парень - Никанор, вечно сонный и нечесный, однако, никуда из станции не отлучавшийся и даже заботливый: когда приходила его очередь в "гон", он всегда говорил Мирону: - "Я на сеновал!" Там его можно было всегда найти спящим.

Интересный ямщик был третий - Клим. Кто он, откуда - никто не знал, а сам он никогда не говорил об этом.

Густая шапка волос, подстриженных вкружок, над правильным, здорового окраса лицом. Прекрасные, серые глаза добродушью, но умно, смотрели из-под густых, темных бровей; правильный нос и молодой мягкий рот, над которым едва заметные русые усы. В левом ухе серебрянная серьга. Высокий, стройный, сильный, он всегда был весел и ласков со всеми.

Первый ямщик был Клим. Тройка его была курьерская, она запрягалась редко, только в особо важных случаях. Незадолго до этого курьерские тройки отменили и она стала входить в общую очередь "гона". Подобрана эта тройка была на диво. Вороной, длинный, могучий конь, с легким козлинцем на передних ногах. Звали его "Гаврюшка". Смирный, уверенный в себе и доверчивый к ямщику, конь. Правая пристяжка - "Чернес" поджарый, низкопередный с горбатою спиной, с длинной - оленьей шеей и сухой горбоносой головой, с ушами зайчика. И третья лошадь - "Юла", просто легкая отличная пристяжная. Обе пристяжки были гнедые.

Запрягалась эта тройка при закрытых воротах и непременно самим Климом, без всякой помощи других ямщиков. Весь багаж клали и сам проезжающий сагился в повозку тоже во дворе. Клим сагился на козлы, ворота открывались настеж и тройка сместалась вскачь. Вся задача Клима состояла в этот момент, чтобы выскочить со двора и взять правильное направление на Гиагинскую, или на Тенгинскую. Сдержатъ было невозможно, да и не было смысла - бесполезно. Так "несла" тройка версты две по дороге, потом "Гаврюшка" начинал покусывать через оглобли то "Чернеса", то "Юлу", переходил на обычную, хозяйскую" рысь и тройка шла как всякая другая. Однако Мирон говорил Никанору - "Что, если бы на эту тройку да посадить тебя - не осталось бы ни осей, ни колесей", а от души твоей сонной - один пар."

Таков был общий любимец - молодец Клим.

Ему подстать была и молодая, красивая жена его Луша. Маленькая, белокурая головка, повязанная чистым голубым или красным платочком так, что передняя половина, слегка вьющихся, светлорусых волос с прямым пробором, была открыта, а платок проходя за маленькими ушками, охватывал два ряда кос, бегущих полными кольцами от половины головы и подвязался под затылком.

Под мягко закругленными, темнее волос, тонко очерченными бровями, светились добротой и лаской голубые, глубокие, красиво очерченные глаза. Небольшой, правильный, немного приподнятый в конце, носик над маленьким розовым ртом с мелкими белыми зубами, всегда открытыми. Прекрасно очерченный овал лица, с розовыми, немного припухшими в углах рта, щеками, что придавало лицу чуть, чуть капризное выражение. Головка эта стройной, длинной шейкой соединялась со вмеру полным, стройным туловищем с покатыми плечами и не тонкой, но гибкой талией и не крупным, хорошо развитым бюстом.

Стройные, проворные ножки, всегда в чистых белых или темно-синих чулках и простых, козловых башмачках с низким каблучком, назапало, были несколько слабы для торса.

Приятно было видеть когда Луша, в простом ситцевом, но чистом платьице синего или серого цвета, повязанная по талии белым фартуком, неся на коромысле ведро в одном конце, а блестящий, как солнце, самовар, на другом, шла к реке Грязнухе, мягко покачиваясь в талии.

"Здравствуйте лебедь белая! Не знаю как вас звать и величать!" - разлетится к ней недавно прибывший на пост казак.

"Здравствуйте!" ответит Луша и взмахнет на него своими большими, как небо синими, ласковыми, но, на сей раз, строгими глазами. Так на том кавалер и останется. И руки опустятся и язык прилипнет.

"Иш какая царевна-недотрога" - бурча себе под нос, пойдет казак своею дорогою.

Луша была недоступна даже для шуток.

В ее небольшой, но образцово чистой горенке, было светло и уютно. Широкая кровать, покрытая костоичновым одеялом с широкой красной каймой и четырем белоснежными подушками - две по больше и две поменьше. Три-четыре табуретки. Шкап для одежды и полка с посудой, да горшки с герачью и розами на подоконниках, завешенных кисейными занавесками окон и небольшой чистый стол в углу - вот и все. Но как все к месту и делу! Луша вечно что-нибудь делает, шьет, или вышивает у окна, а, для развлечения, купает поросенка или маленького еще щенка, взятых ею из жалости.

Странные, однако отношения были между Климом и Лушей, жили они, повидимому, ладно, никогда не спорили, а, тем более, не ссорились. Как будто всегда были довольны один другим, но говорили между собою только самое необходимое.

"Кли-и-м! Обедать или." - крикнет Луша из окна.

"Сейчас." - спокойно ответит Клим из конюшни, или из заграбренных и развешенных на солнце хомутов, с которыми он вечно возился.

Молча сядет за стол, молча обедает. Кончив, ни слова не говоря, уйдет к лошадям, или к хомутам своим.

Спал ночью Клим тоже всегда на конюшне.

"Как это вы, Луша, чудно живете с Климом? Словно брат и сестра, а не как муж и жена" - спросила ее как-то жена смотрителя.

"И, что вы Васильевна, мы живем в законе."

Вот и все.

Случалось иногда, что забредет Клим к казакам и выпивают, конечно. Спять смотрительша зовет Лушу:

"Сходила бы ты, позвала мужа, ведь он на очереди на "гон".

"Как можно, да он низачто не пойдет, а только разгневется. Придет и сам во время, а я не смею."

Случается, ямщики в "гоне", один Клим дома. Разморенные жарю казаки и смотритель со смотрительшей, да и куры и собаки на станции, спят мертвым сном. И вот тогда Клим поет высоким баритоном, где-нибудь в конюшне. Сначала потихоньку, потом все громче. Хорошо поет, трогательно. И чего не поет Клим и про что! Тут и Дон тихий да вольный и новыли степей бескрайних и

кургани седне, и Степан, и Ермак тут-же. Безысходная грусть и тоска низких регистров в пении, вдруг сменяются неудержимой радостью и буйным окриком молодецким...

И вот тогда наблюдательный глаз мог заметить за кисейной занавеской горенки Лушу, ее слабый силуэт. Опершись локтем о подоконник и подперев щеку ладонью, затаив дыхание, слушает она пение мужа. Слушает и то плачет, то улыбается и не оторвется пока Клим не умоляет.

А Клим разом оборвет если заметит за занавеской тень Луши, или почувдится ему, что кто-нибудь на станции или на посту не спит. Не любил Клим, чтобы слушали песни его. Эти песни должно быть и заполнили сердце девицы Лушино, да чаруют и теперь.

Подошла поздняя осень. Речка Грязнуха уже покрылась тонким, прозрачным льдом, позволяющим вилеть местами действительно грязное, а местами чистое и печаное, с мелкими камешками, дно ее.

Пошла Луша, по обыновению, на речку, чтобы набрать ведро воды, да самовар песочком почистить. Стала на лед. Лед еще слабый проломился и Луша, не удержав равновесия, села на дно пояса в воду. Уперлась руками в края проруби-обломились и они, ноги ушли дальше под лед, а вода забралась ей уже за шею. Все же выбралась. Пока дошла до дому, все на ней лубком обмерзло. Не так то скоро, без посторонней помощи, удалось снять все обмерзшее да переодеться в сухое и Луша простудилась. Всего три недели пролежала Луша в горячке и отдала Богу душу свою светлую.

Казалось, совершенно спокойно принял это несчастье Клим. Сам сколотил гроб и отвез покойницу в станицу, где и похоронил.

"Что-же, Васильевна, Бог дал... Бог и взял. Упокой Господи ее душеньку" - спокойно сказал Клим, когда, по возвращении из станицы, смотрительша спросила его жалко ли ему Лушу.

Потом все пошло по прежнему.

Прошло месяца три. Как-то поехал Клим в "гон", а оттуда вернулся с пассажиркой в повозочке.

"Вот, прошу любить да жаловать" - сказал Клим начальству и ямщикам - "Новая жена моя, хотя и пригульная, да ничего."

Как раз, в тот же день, приехали на станцию и старики-отец и мать покойной Луши. Клим справил поминальный обед, потом собрал и аккуратно уложил все ее вещи в сани родителей Луши. Старики погребали, схотили попрощаться со смотрителем и долго там разговаривали, потом, дружески попрощались с Климом и уехали. А в пустой горнице хозяйною водворилась Агафья - новая жена Клина.

И вот тут только выяснилось, что Клим был беглый донской казак. Пришел сначала на Кубань, нанялся работником к зажиточному казаку станицы Прочноокопской, старослужащему и, за фин месяц, молодецким видом и поведением, а больше, должно быть, лихими да трогательными песнями своими, околдовал дочку его Лушу. Просил дать согласие на брак, но крепкий старик-старовер не только не дал согласия, а пистолетом пригрозил. Тогда любовники бежали.

Волики были, знать, обаяние парня и любовь девицы, если она, в те строгие времена, пренебрегла и веру отцов и традиции, и чистоту нравов старобрядческих-ушла с православным не венчанная.

Агафья, уже не молодая баба. Голову покрывала грязным белым платком, подвязанным концами под подбородком. Над лбом высоким и сдавленным по бокам, платок нависал острым козырьком, а из под него выбивались редкие, никогда не чесанные косы. Серое лицо с большим ртом, с тонкими бледно-синими губами и все это безобразие дополняли безобразные, зеленые глаза. Юбка всегда подтыкана с одной стороны за пояс, обнажая ноги в грязных, толстых чулках, при чем один подвязан грязной тесемкой, а другой спускался до щиколки; красная, расчесанная икра ноги и стоптанные коты на ступнях заканчивали весь этот отвратительный "арземпляр".

Агафья вечно кричала своим скрипучим голосом. Уже через неделю щенок оказался с выбитым глазом. Каждая попытка его взобраться по ступенькам крыльца в комнату оканчивалась для него мучительно: Агафья просто сбрасывала его ногой чуть не на среднюю двора. Несчастный забирался тогда под крыльцо и горько визжал там обиженный и голодный. Поросяенок сбежал к казакам на пост, где его они и съели.

Клим перестал спать в конюшне. Забрался он, как-то, по старой привычке, на пост, понить водочки, но узнала Агафья, подошла к единственному в курене, где сидела компания, окошку, роняла глазами Клина и постучала. Клим встретил взгляд Агафьи конфузясь, но решительно встал, извинился и покорно вышел за Агафьей, которая, постучав в окно, тотчас же пошла на станцию, даже не оглядываясь..

"Как бычек на веревочке.." - удивлялись потом казаки.

Клим никогда больше не пел своих песен.

Слава Богу, недолго Агафья своим присутствием оскорбляла своеобразный, но опрятный уклад в станционной жизни. Грязный след ее надолго засел в памяти обывателей, а для Клина, как увидим, оказался и трагическим.

Что-то через месяц с небольшим, поехала Агафья с обратной тройкой в станицу Гилягинскую по своим делам, как она говорила, а через день, оттуда на станцию приехал ямщик и объявил, что Агафья велела сказать Климу, чтобы больше не ждал ее, а если когда встретится, то она ему в глаза наплюет. Сама она уехала с одним армавирским армянином-торговцом.

Все с радостью приняли эту весть, только Клим, ни слова не говоря, повернулся, пошел на конюшню и ничком лег на свою, старленную было, кровать.

Двое суток не выходил Клим из конюшни. К лошадям вставал, но уже не разговаривал с ними ласково и наставительно, как прежде. Не мало и пиньнов под живот получил "Гаврюшка", а "Юла" уже не юлила больше.

Очередной гон заставил Клина выйти из конюшни.

Вывел лошадей, запрет, сел на козлы... Отворяй!

Ворота настезь... Но кони... ни с места!.. Клим вынул из под себя кнут и, в первый раз в жизни, вытянул "Гаврюшку"... Конь вздрогнул, закинул морду за оглоблю, так, что мог одним глазом видеть Клина и нервно замер. Еще удар кнута. "Гаврюшка" налег

на оглоблю задом... Фреск и "Гаврюшка" повалился на сломанную оглоблю. Пристяжки оттянули поводки и постромки в стороны и, опустив головы, растерянно стояли на месте. Лошадей выпрягли, запрягли в другую повозку. Та же история. в "гон" пошла другая тройка.

Клим увел лошадей в конюшню и залег на кровати. Это было перед вечером, а на утро Клим не стало на станции. Он исчез.

Ехали через несколько дней черкесы из аула Темиргона, заезжали по обыкновению на станцию и говорили, что видели как-то Клим, который проходил с кнутом через их аул и направлялся на железнодорожный полустанок Гулькевичи. С той поры о нем ни слуху, ни духу. Тройка Клим оназалась навсегда сноровленной и ее расформировали по другим станциям и тройкам.

В К А Р А У Л Е .

Караул на гарнизонной гауптвахте г.М... от пластунов. Пробыли зорю. Прочитали молитву.

-Ну ! Предстояща смина отдыхать на нарях, растегнув воротники. Прочие - не шуми. Не заводь! Ночное время в караули. Разойдись !

Это караульный урядник Водяной отдает распоряжения.

Смена, которой через два часа предстоит заступить на часы, ложится на нары/досчатый помост у одной из стен караульного помещения, /другая, которую только что сменили, расползается у печки, греется.

Водворяется полная тишина. Урядник Водяной садится за особый столик и погружается в чтение постовой ведомости, плана постам, инструкции караулу, хотя все это ему известно уже наизусть.

Взводный урядник Водяной высокий, сильного сложения, красивый бронет, черноморец, с выбивающимся всегда из под папахи густым черным чубом "левержетом", как тогда его звали все черноморцы, чистым, румяным лицом, с небольшими черными усиками, весьма солидный, степенный и надежный взводный урядник в сотне. Спокойного, ровного характера, всегда добродушный, но весьма строгий по службе, он держал свой взвод в большом порядке, хотя никогда, ни одного казака не тронул пальцем, не толкнул, но и словом дурным не обидел. Где и когда только можно, стался дать казаку отдых и спокойствие, поговорит, даст совет, но горе, так называемым, "отсталым".

Урядник Водяной всегда имел их у себя во взводе два-три человека, так как было уж так заведено, что командир сотни таких "слабых" всегда ссылали во взвод Водяному, а уж Водяной выправит всякого. Никогда не забудет в чем тот, или другой слаб и, при всяком случае, как раз, об этом и спросит и будет спрашивать пока не добьется и не вмучит.

- "Господин урядник, дозволейте выйти !" - подходит вот один из таких отсталых к Водяному.

- "А... Пилип Супоня. Добре. А скажи мени, шо таке часовный?"

Водяной прекрасно владеет русским языком, но уж так, по

пластунской традиции, со своими подчиненными и с начальством до сотенного командира включительно, предпочитает говорить своим родным языком.

- "Так шо... часовый есть лице неприкосновенное..."

- "Я-а-к ?"

- "Винуват... Часовый есть всякий козак, или солдат, поставленный на пост с ружьем, или вынутой шапкою."

- "Ось бац ! А ты не торопись.. а то-неприкосновенное, потому воно за тебе отвичатемо як на служби, так и вне оной. Ступай."

- "Иды сюды Пелипенко," в пол голоса зовет через несколько минут Водяной другого отсталого из предстоящей смены. - "Ты чого не спиш ?"

- "В грудях шось болыть..." отвечает тихо и с грустью в голосе нездоровый, слабый физически и "по словесности", страшно рассеянный Пелипенко.

- "Ну шо ты хитаешься як комышина ? Прийми воинський вид ! А для чого служить гимнастика ?"

- "Кости выламувать... Господин урядник".

- "Ось я тоби их повывамаю ! Гимнастика служить для укріплення мускулиив тила и развития ловкости движений... Повтори ! -"

Повторяет.

- "Э...э...э... Пилипенко... Пелипенко... Много вже твий взводний урядник Водяной, поив от командира сотни оцих галушок горячих/получил выговоров/, та придется, мабуть ему ковтнуть ще чимало. И все через те, шо у тебе завжды в голове якесь мичтание, а не воинська словесность. Ну ничего ! Пидтягнись... выдурисься... с тебе ще добрый козак буде" -

Отпускает и его.

Юркий, проворный, живой, весьма зяющий свое дело, уже второй год служащий казак Довбня, несколько раз подходил смотреть на часы, которые висели над головой Водяного. Был он и в учебной команде, но за фантазерство и весьма пыльное воображение не кончил ее курса. Всегда что нибудь да переверет, это и был его главный грех.

- "Ну, ты шо крутышься тут як дзига ?" - поймал его Водяной.

- "Ну а скажи мени, шо тоби приказували дижурний по батальону офицер, як взяли всех дижурних по сотнях и ты ходыв за дижурного ?"

Довбня сразу виновато замер.

- "Мовчиш ? Ну так я тоби скажу. Вони приказували передать по сотням, ша сегодня буде сонечне затмение. Шо часом сонечне затмение бува и мало замитне, а и так слчається, шо стане як у ночи. Вольнуюця люди, кони, скотына. Так щоб ниho ни вольнувався, щоб на конюшнях и де може бить скопление людей, миж 12 и 2-мя часми дня, були приготовлени лампы. Та шо хто хоче добре видить затмение на сонци, не дивився-б на нього невооруженным оком, а скрозь закопчене скло... Ну... так було ? -"

- "Так точно !"

- "Ну а ты пришов у сотню и доложив командиру сотни ?? Мовчиш ? А доложив йому, шо дижурний по батальону приказали шо между 12 и 2-мя часами буде затмение сонца, так щоб люди уси були у помещении, а на случай пожара, тревоги и для народную беспорядку вси нижни чини должны быть вооружени и роздать

усим по 30 патронов на винтовку а щоб на кухнях и у чайгри-ив пузири на лампах не були замопчени, а як у кого будуть замопчени, то на два часа пид винтовку. Ось бац, яку тревогу ты наломав ! Га ! Скільки разив вже я тобі говорив: -получив приказание, подумай добре своєю головою. не поняв- переспрось!" -

Караульный начальник, офицер, в своей комнате, конечно слышит эти "шопотом" ведущиеся разговоры и думает: -При всей красоте и величии души казака, какие же бывают между ними и юмористы!

В группе, греющейся у печи, между тем, тоже ведутся тихо разговоры: -

- "Ну братцы !... Пиймали мы того биглого аристанта, привели его у полицию... Полицейски стали його раздягать... а на йому вошей ! Та таки велики, що-ий Богу-ну сидлать можно ! Группа не выдерживает. Раздается взрыв сдержанного смеха.

- "Ну, вже загули ! Як бжолі... Котихин ! Ось я тебе посидлаю !

Все опять замирает.

Между тем, время идет. Стрелки часов показывают без четверти одиннадцать. Вводный медленно подходит к предстоящей, спящей смене, наклоняется над нею и громовым "шопотом" кричит:

- "А чи не позадушились вы тут !

Восем пар ног, как одна, ступают об пол. Смена проснулась.

- "Разводящие ! Готовте змину на часи !"

В это время резкий свисток часового у камеры арестованных резнул в воздух. Разводящий этого поста частой дробью застукал по плитам корридора, спеша на этот вызов и, в тот же мт, уже бегом, возвратился в караульное помещение.

- "Господин урядник ! Арестант повисився !"

- Ключи от камер ! Посильный ! Бижи доложить дижурному по караулам, та забижи у офицерске собрание за дохтарем, вони мабуть з господами офицерами на билиарди гуляють ! -" командует, никогда не теряющийся, ничего не забывающий и все знающий урядник Вотяной.

Открыли камеру. На каменном полу, с пеною у рта, в муках падающей болезни, корчился несчастный подследственный "арестант" урядник Протопопов.

Протопопов был обозный урядник. Батальон носил сено на Белореченской степи. Заведывающий хозяйством торопился за погоды перевезти сено на батальонный двор. Каждый день, еще до зари, отправлялись за сеном бургоны.

Отправив подводы по дороге, Протопопов, в одно утро, поехал на понос верхом напрямик степью.

Едва он въехал на "венцы" в 5-ти верстах от города и уже перерезывал дорогу из станицы Келермесской, как учидел, что по пыльной дороге этой, в направлении на Майкоп, пригнувшись к гриве коня и высоко подбрасывая локти, скакал человек, а за ним, сильно растянувшись, скакало еще 5-6 всадников.

Вмиг сообразив в чем дело, Протопопов остановился и югда всадник поравнялся с ним, в три скачка догнал его и, схватив за шиворот, сорвал с неоседланной лошади и сбросил конокрада на землю.

Не обращая больше внимания назад, поскакал было ловить коня, но видя, что тот, освободившись от всадника, описав большой круг, задрав высоко голову, направился назад, в станицу, Протопопов поехал своею дорогою.

Возвратившись вечером с покоса, доложил, как полагается, начальству о случившемся и еще получил похвалу, что не допустил конокрада в город, где бы, наверно, уже не нашли бы ни его, ни коня.

А на другой день, по требованию следователя, Протопопова арестовали. Конокрад оказался мертвым на том месте где упал с лошади.

Убился ли он при падении, добила ли его подсканавшая погоня, только следователь все тянул, да тянул, находя все новые и новые улики, а Протопопов все сидел да сидел. Сначала был спокоен, затем стал уже и волноваться, затосковал... Напрасно успокаивали его Командир батальона и заведывающий хозяйством.

И досиделся Протопопов до падучей, на восьмом месяце заключения.

И погиб казак! Погиб и для себя, и для семьи и для родины...

А.А.Гейман.